

Азалия Валерьевна Ахунова,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им.
Акмуллы, Уфа, Российская Федерация

ГЕНДЕРНО-ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРОЗВИЩА В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья посвящена изучению материала гендерно-обусловленных прозвищ английского и русского языков. В исследовании на основе корпусного анализа 599 гендерно-маркированных прозвищ выявлены структурные, семантические и коннотативные особенности неофициальной антропонимики двух языков. Гендерно-обусловленные прозвища функционируют как социальный ярлык, культурный архетип и языковой маркер гендерной идентичности, концентрируя в себе стереотипы мужественности и женственности, свойственные каждой из культур. Сопоставительный анализ показал устойчивую асимметрию коннотативного распределения: отрицательные и уничижительные коннотации суммарно охватывают 57–60% корпуса, причем женские прозвища концентрируют негативную семантику заметно плотнее мужских (64–66% против 55–60%). Результаты нашего исследования могут быть использованы в методике преподавания английского языка при формировании лингвокультурологической компетенции обучающихся.

Ключевые слова: гендерно-обусловленные прозвища, лингвокультурологическая компетенция, антропонимика, английский язык, русский язык, методика обучения, школьное образование, сопоставительный анализ, интернет-сленг

Abstract. This article examines gender-specific nicknames in the English and Russian languages. Using a corpus analysis of 599 gender-marked nicknames, the study identifies structural, semantic, and connotative features of the informal anthroponymy of the two languages. Gender-specific nicknames function as social labels, cultural archetypes, and linguistic markers of gender identity, embodying stereotypes of masculinity and femininity specific to each culture. A comparative analysis revealed a persistent asymmetry in connotative distribution: negative and derogatory connotations comprise a total of 57–60% of the corpus, with female nicknames significantly more concentrated in negative semantics than male nicknames (64–66% versus 55–60%). The results of our study can be used in English language teaching methods to develop students' linguistic and cultural competence.

Keywords: gender-conditioned nicknames, linguocultural competence, anthroponymy, English, Russian, teaching methodology, school education, comparative analysis, Internet slang.

Введение. Прозвища, функционирующие в живой повседневной речи, концентрируют в себе лингвистическую, социокультурную информацию, в том числе гендерного характера.

В неформальном общении школьников, молодежной среде, а также в интернет-дискурсе устойчиво закрепляются именованья, маркирующие носителя как «своего» или «чужого», «правильного» или «нарушающего нормы», при этом оценка часто строится вокруг представлений о «мужественности» и «женственности» [1, с. 27].

Русские и английские гендерно-обусловленные прозвища проявляют разные способы вербализации одних и тех же социальных ожиданий: русскоязычная традиция нередко акцентирует физические недостатки и отклонения от групповых норм, англоязычная система чаще апеллирует к игровому переосмыслению имени, к юмору и самоиронии. Вне контекста культуры такие прозвания остаются непонятными или интерпретируются ошибочно, что

особенно заметно в межкультурном общении подростков, активно заимствующих лексические модели из английского языка.

Актуальность исследования связана с задачами формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся в курсе английского языка в средней школе. Концепция лингвострановедения, разработанная в работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, исходит из необходимости усвоения «фоновых знаний», закрепленных в единицах языка и обеспечивающих адекватное восприятие чужой культуры [1, с. 19].

В русле этой традиции развиваются идеи В.И. Карасика о языковой личности и культурных концептах, репрезентируемых в дискурсе [2, с. 56].

Гендерно-обусловленные прозвища входят в состав именно такой фоновой лексики, поскольку через оценочные номинации подростков транслируются устойчивые представления о мужских и женских ролях, допустимых моделях поведения, иерархии статусов. Без лингвокультурной компетенции школьник, изучающий английский язык, механически заимствует прозвища, не осознавая их культурной и этической нагрузки. Это чревато коммуникативными сбоями и воспроизведением дискриминационных стереотипов.

Актуальности темы связана с развитием гендерной лингвистики, которая рассматривает язык как один из ключевых механизмов конструирования социальных различий между мужчинами и женщинами [3, с. 12]. Так работы Р. Лакофф, положившие начало направлению, убедительно показывают: языковая система и речевая практика организованы по модели, в которой мужской опыт закрепляется как «норма», а женский – как отклонение [4, с. 52].

В отечественной традиции гендерные аспекты коммуникации анализируются в коллективной монографии под редакцией И.И. Халеевой во взаимосвязи языковых средств с культурными моделями мужественности и женственности [5, с. 7].

Школьное общение, насыщенное прозвищами, создающими социальные иерархии, оказывается зоной, где гендерные стереотипы активно воспроизводятся. Работа с антропонимами гендерной направленности в образовательном процессе помогает вовлечь этот материал в лингвокультурное сознание обучающихся.

В методике обучения иностранному языку особенно существенна сравнительная перспектива гендерной лингвистики. Русская и английская антропонимические системы устроены по-разному.

Триада «имя – отчество – фамилия» и ряд уменьшительных форм не свойственен англоязычной среде; школьник сталкивается с иной моделью номинации: отчество отсутствует, а место прозвищ часто занимают короткие гипокористические формы официального имени или клички, образованные по продуктивным словообразовательным моделям [6, с. 41].

Гендерно-обусловленные прозвища – богатый материал для изучения структурных и функциональных расхождений двух систем, влияющих на прагматику общения. Сопоставление русских и английских прозвищ на уроках английского языка ценно в развитии представлений о мужественности, женственности, формируя лингвокультурную компетенцию обучающихся.

Целью нашего исследования является разработка методических подходов формирования лингвокультурологической компетенции обучающихся средней школы на основе изучения гендерно-обусловленных прозвищ в русском и английском языках на уроках английского языка. Для достижения цели применялись методы лингвистического наблюдения, описательный метод, сравнительно-сопоставительный анализ, структурно-семантический анализ, лингвокультурологический анализ и статистическая обработка материала.

Методы. Эмпирической базой исследования послужил корпус из 599 гендерно-обусловленных прозвищ двух языков, сформированный на основе пяти последовательно применявшихся критериев отбора. Источниковая база включала специализированные словари: «Большой словарь русских прозвищ» Х. Вальтера и В.М. Мокиенко [7] и «The

Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English» Т. Далзелла и Т. Виктор [8], краудсорсинговый интернет-ресурс Urban Dictionary, а также Национальный корпус русского языка для верификации русскоязычных единиц [9, с. 112].

Отбор конкретных единиц осуществлялся на основании ключевого критерия – принадлежности номинации к категории прозвищ в строгом смысле как неофициального именования лица, закрепленного в социальном употреблении как типаж или ярлык. По данному критерию из выборки исключались нарицательные существительные с общей характеристикой личности, единицы, лишенные гендерной специфики употребления.

Второй критерий предполагал наличие гендерного маркера одного из трех типов. Лексического в составных номинациях вроде *gym bro*, *mean girl*, мужик, баба; морфологического – через суффиксы (-ess, -ette в английском; -к(а), -ш(а), -их(а) в русском); контекстуального в прозвищах, однозначно соотносимых с определенным полом в современном дискурсе: *Chad* неизменно отсылает к мужчине, *Karen* – к женщине, *скуф* – к мужчине, *альтушка* – к женщине [10, с. 80].

Следующий критерий охватывал распространенность и закрепленность единицы: в корпус включались лишь прозвища, засвидетельствованные минимум в двух независимых источниках либо получившие широкое хождение в медиадискурсе.

Еще один критерий предусматривал стилистическую палитру: корпус намеренно строился так, чтобы в нем были представлены все регистры – от нейтрально-разговорного до сугубо уничижительного, включая жаргонные и прецедентно-именные единицы.

Временной критерий предполагал, что выборка разграничивала устаревшие прозвища (*dame*, *wench*; молодница, зазноба), нейтрально-современные (*lass*, *bloke*; парень, девчонка) и новообразования 2010–2024 годов (*Chad*, *Karen*, *Doomer*, *Tradwife*; *скуф*, *альтушка*, *масик*, *тюбик*, *душила*) [11, с. 115].

Количественные параметры корпуса отражают равномерный охват гендерных позиций: доля мужских прозвищ составила 47,1% (282 единицы), женских – 42,1% (252 единицы), гендерно-нейтральных – 10,8% (65 единиц).

Тематическая классификация корпуса строилась по шести семантическим группам: типаж и образы жизни (интернет-культура), характер и поведение, прецедентные имена, привычки и субкультура, ласкательные и интимные номинации, уничижительные единицы. Самой многочисленной в обоих языках оказалась группа интернет-типажей (87 английских и 79 русских единиц), что закономерно отражает роль цифровых платформ как производительной среды для прозвищных номинаций последнего десятилетия [12, с. 103].

Результаты. Лингвистический анализ корпуса выявил принципиальные особенности организации гендерно-обусловленных прозвищ в каждом из языков. В англоязычном корпусе из 312 единиц доминируют суффиксальный способ образования (30,1%) и словосложение (24,0%). Заметную долю составляют прозвища-архетипы, возникшие на основе имен собственных: *Chad*, *Karen*, *Kyle*, *Stacy*, *Becky* – все они начинали как обычные личные имена и превратились в сленговые термины, высмеивающие определенные типажы.

Интернет-платформы *TikTok*, *4chan*, *Reddit*, *Twitter* выступают ведущими источниками прозвищных новообразований последнего десятилетия, причем скорость их распространения существенно опережает фиксацию в традиционных словарях [8, с. 45]. Среди ключевых интернет-типажей выделяется *Chad* – прозвище, обозначающее «альфу» или сексуально успешного мужчины, впервые приобретшее популярность в форме мема «*Chad Thundercock*» на платформе *4chan* в 2013 году.

Параллельно функционирует *Gigachad* – «пиковый альфа-самец», образ которого воплощает предельно идеализированную маскулинность. Противоположный полюс занимает *Simp* – номинация мужчины, чрезмерно угождающего девушке в ущерб собственному достоинству. В женской части корпуса центральное место занимает *Karen* – самоуверенная женщина средних лет, требующая позвать менеджера, а также *Stacy* – уничижительный сленговый термин, стереотипизирующий женщину как привлекательную, но пустую и

тщеславную, и Pick-me girl – девушку, жертвующую солидарностью с другими женщинами ради мужского одобрения.

Коннотативный анализ англоязычного корпуса выявил заметный перекося в сторону отрицательных и уничижительных значений. Суммарно отрицательная и уничижительная коннотации охватывают 57% корпуса. При этом женские прозвища концентрируют негативность сильнее, чем мужские: 66% женских единиц несут отрицательную или уничижительную семантику против 55% у мужских [12, с. 105].

Структурно-словообразовательный анализ выявил шесть продуктивных моделей, выявил следующее: суффиксацию с помощью -y/-ie (Bobby, Annie, Pookie, bestie, baddie), суффикс -er в агентивной функции (stunner, player, heartbreaker), словосложение по модели N+N (tomboy, sweetheart, girlboss, gym bro, Tradwife), модель Adj+N (tough guy, pretty boy, lone wolf), усечение (bro от brother, sis от sister, opp от opposition) и конверсию (girlboss как глагол to girlboss, Karen как глагол to Karen out, chad как прилагательное в конструкции that's so Chad). Особенностью английской системы служит высокая словообразовательная подвижность прозвищ-мемов, свидетельствующая об их глубоком укоренении в живом языке.

В русскоязычном корпусе из 287 единиц безусловно доминирует суффиксация (44,3%) – с отрывом, вдвое превышающим долю этого способа в английском корпусе, что объясняется морфологическим устройством самого языка. Продуктивные суффиксы распределяются следующим образом: -к(а) образует преимущественно женские прозвища (альтушка); -ин(я) создает феминативы-прозвища (скуфиня); -ил(а) дает гендерно-нейтральные агентивные единицы (душила, бугила); -ик производит мужские уменьшительно-прозвищные формы (масик, тюбик, чечик, додик) [9, с. 120].

Специфику актуального пласта составляет высокая доля заимствований и транслитераций (17,8%): симп, нормис, делулу, пикми, трэдвайф, тьян, анлаки вошли в русский за последние 5-7 лет из английского и японского [7, с. 305]. Уникален для русского корпуса пласт прецедентных прозвищ, восходящих к фольклору и литературной классике: Кашей, Баба-яга, Медуза Горгона, Василиса, Обломов, Плюшкин, Дон Жуан, Мессалина – каждое несет культурную коннотацию, мгновенно считываемую носителем языка без погружения в интернет-контекст.

Здесь пролегает различие двух систем: русские прецедентные прозвища питаются тысячелетней фольклорной и двухвековой литературной традицией, английские прецедентные прозвища нового времени привязаны к конкретным платформам и мемам с историей в десять–пятнадцать лет.

Коннотативный анализ русскоязычного корпуса дает картину, параллельную английской. Суммарно отрицательная и уничижительная зоны охватывают 60% корпуса [3, с. 98]. В женской части русского корпуса концентрация негативно окрашенных единиц оказывается сопоставимо высокой: около 64% против 60% у мужчин.

Гендерные пары русскоязычных прозвищ демонстрируют семантическую симметрию и асимметрию: скуф – скуфиня (неопрятный / запустивший себя человек 30+), Кашей – Баба-яга (злобный тощий старик / злобная старуха), Дон Жуан – Мессалина (ловелас / распутная женщина), Chad (чад) – Stacy (стейси) («альфа-самец» / «альфа-самка»). При этом отсутствие женского аналога для масика и гигахада воспроизводит более глубокую гендерную асимметрию: положительный мужской типаж «идеального партнера» закрепился в языке, тогда как симметричного женского образа в той же системе координат не возникло.

Обсуждение. Полученные результаты позволяют сформулировать ряд содержательных наблюдений, касающихся как универсальных закономерностей функционирования гендерно-обусловленных прозвищ, так и специфики каждой из двух антропонимических систем.

Общим для английского и русского языков оказывается устойчивое доминирование отрицательной и уничижительной коннотации в составе прозвищной лексики: суммарно около 57–60% единиц корпуса несут негативную нагрузку вне зависимости от языка. При этом в обеих системах женские прозвища концентрируют негативную семантику заметно плотнее мужских – 64–66% против 55–60% соответственно.

Закономерность воспроизводит более широкую культурную тенденцию к асимметричной оценке мужского и женского поведения через язык, зафиксированную в работах Р. Лакофф и А.В. Кирилиной [3, с. 52; 4, с. 98]. Интернет-культура выступает ведущим производителем прозвищных новообразований последнего десятилетия в обоих языках: платформы 4chan, TikTok, Reddit, Twitter в английском и ВКонтакте, Telegram, отечественный сегмент TikTok в русском генерируют новые прозвища-архетипы, закрепляющиеся быстрее любой словарной фиксации [10, с. 39].

Английские прозвища отличаются прежде всего метафоризацией собственных имен – механизмом, породившим Chad, Karen, Kyle, Stacy, Becky; рифмованным сленгом кокни как специфически британской моделью прозвищного образования; высокой словообразовательной подвижностью прозвищ-мемов, свободно переходящих в глаголы и прилагательные; относительной гендерной нейтрализацией отдельных единиц (dude обращено и к мужчинам, и к женщинам).

Русские прозвища, напротив, показывают богатую диминутивную суффиксацию, выполняющую одновременно словообразовательную и грамматико-гендерную функцию; устойчивые фольклорные и литературные архетипы (Кашей – Баба-яга, Дон Жуан – Мессалина, Обломов), образующие культурно-специфичный пласт без аналогов в английском; грамматическую категорию рода как встроенный гендерный маркер; высокую долю заимствований и транслитераций последних лет как свидетельство активного лингвокультурного обмена [15, с. 115].

Противопоставление скуф – скуфиня наглядно демонстрирует, как русский язык морфологически «достраивает» гендерную пару там, где английский оставляет единицу нейтральной или вовсе не образует пары.

Сопоставление количественных данных по словообразованию показывает принципиальное расхождение двух систем: в английском суффиксация составляет 30,1% при доле словосложения в 24,0%, тогда как в русском суффиксация охватывает 44,3% – почти вдвое доминируя над следующим по частотности способом (метафорический перенос, 22,3%).

Прецедентные прозвища-имена в английском составляют самостоятельную категорию с долей 18,3%, тогда как в русском прецедентные единицы входят в более широкую группу метафорического переноса. Эти различия имеют важное методическое значение: при обучении английскому языку русскоязычных школьников необходимо уделять особое внимание механизму метафоризации собственных имен, не имеющему прямого аналога в русской прозвищной системе, где прецедентные прозвища опираются на фольклорно-литературные аллюзии, интуитивно понятные носителю русской культуры [6, с. 51].

Совокупность теоретических и практических результатов исследования позволяет заключить, что гендерно-обусловленные прозвища представляют собой выражение культурных установок [14, с. 47], ценностных иерархий и гендерных стереотипов, укорененных в каждом из двух языков. Их сопоставительное изучение на уроках английского языка открывает перед обучающимися то измерение межкультурной коммуникации, которое стандартный учебный курс не затрагивает. Так школьники развивают умение видеть за словом культурный механизм, за прозвищем – систему ценностей, за сравнением двух языков – два по-разному устроенных культурных мира. Способность и составляет лингвокультурологическую компетенцию в ее полном объеме.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд. – М.: Индрик, 2005. – 288 с.
2. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 475 с.
3. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

4. Lakoff, R. *Language and Woman's Place* / R. Lakoff. – New York: Harper & Row, 1975. – 264 p.
5. Гендерный фактор в языке и коммуникации / под ред. И. И. Халеевой. – Иваново: ИвГУ, 1999. – 92 с.
6. Гарагуля, С. И. Антропонимия в лингвокультурном и историческом аспектах: на материале английских личных имен / С. И. Гарагуля. – М.: URSS, 2010. – 216 с.
7. Вальтер, Х. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М.: Олма Медиа Групп, 2007. – 704 с.
8. Dalzell, T. *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English* / T. Dalzell, T. Victor (Eds.). – Abingdon: Routledge, 2008. – 704 p.
9. Гузнова, А. В. Прозвища как объект ономастических исследований / А. В. Гузнова. – Самара: Самарский ун-т, 2012. – 110 с.
10. Боброва, Н. В. Прозвища как лингводидактический материал / Н. В. Боброва // *Russian Language Studies*. – 2022. – Т. 20. – № 2. – С. 189–205.
11. Черникова, Н. В. Общий род и гендерная семантика русских имен существительных / Н. В. Черникова // *Вестник ТвГУ*. – 2020. – № 2. – С. 112–121.
12. De Klerk, V. Nicknames of English Adolescents in South Africa / V. De Klerk, B. Bosch // *Names: A Journal of Onomastics*. – 1997. – Vol. 45, № 2. – P. 101–118.
13. Викулова Л.Г., Герасимова С.А. Методика оценки лингвокультурной компетенции студентов факультета иностранных языков // *Международный научно-исследовательский журнал*. – 2016. – № 9 (51). – Ч. 2. – С. 14–17.
14. Бим И.Л. *Общая методика обучения иностранным языкам: хрестоматия*. – М.: Просвещение, 1991. – 202 с.
15. Дьяченко, В. В. Субстандартные антропонимы в английском и русском языках: контрастивно-социолексикологический аспект: дис. ... канд. филол. наук / В. В. Дьяченко. – Пятигорск, 2007. – 198 с.

REFERENCES

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. *Yazyk i kultura: Lingvostranovedenie v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo* [Language and Culture: Linguistic Country Studies in Teaching Russian as a Foreign Language]. 4th ed. Moscow, Indrik Publ., 2005. 288 p.
2. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 475 p.
3. Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow, Institute of Sociology RAS Publ., 1999. 189 p.
4. Lakoff R. *Language and Woman's Place*. New York, Harper & Row Publ., 1975. 264 p.
5. *Gender'nyi faktor v yazyke i kommunikatsii* [The Gender Factor in Language and Communication], ed. by I.I. Haleeva. Ivanovo, IvGU Publ., 1999. 92 p.
6. Garagulya S.I. *Antroponimiya v lingvokul'turnom i istoricheskom aspektakh* [Anthroponymy in Linguocultural and Historical Aspects]. Moscow, URSS Publ., 2010. 216 p.
7. Val'ter H., Mokienko V.M. *Bol'shoi slovar' russkikh prozvisch* [Big Dictionary of Russian Nicknames]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. 704 p.
8. Dalzell T., Victor T. (Eds.). *The Concise New Partridge Dictionary of Slang and Unconventional English*. Abingdon, Routledge Publ., 2008. 704 p.
9. Guznova A.V. *Prozvischa kak ob'ekt onomasticheskikh issledovaniy* [Nicknames as an Object of Onomastic Research]. Samara, Samara University Publ., 2012. 110 p.
10. Bobrova N.V. *Prozvischa kak lingvodidakticheskii material* [Nicknames as Linguodidactic Material]. *Russian Language Studies*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 189–205.
11. Chernikova N.V. *Obshchii rod i gendernaya semantika russkikh imen sushchestvitel'nykh* [Common Gender and Gender Semantics of Russian Nouns]. *Vestnik TvGU*, 2020, no. 2, pp. 112–121.
12. De Klerk V., Bosch B. Nicknames of English Adolescents in South Africa. *Names: A Journal of Onomastics*, 1997, vol. 45, no. 2, pp. 101–118.

13. Vikulova L.G., Gerasimova S.A. Metodika otsenki lingvokul'turnoi kompetentsii studentov fakul'teta inostrannykh yazykov [Methodology for Assessing Linguocultural Competence of Foreign Language Faculty Students]. Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal, 2016, no. 9 (51), part 2, pp. 14–17.

14. Bim I.L. Obshchaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: khrestomatiya [General Methods of Teaching Foreign Languages: Reader]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 202 p.

15. Dyachenko V.V. Substandartnye antroponimy v angliiskom i russkom yazykakh [Substandard Anthroponyms in English and Russian: Contrastive-Sociolexicological Aspect]. PhD thesis. Pyatigorsk, 2007. 198 p.

Информация об авторах:

А.В. Ахунова – студентка 5 курса Института филологического образования и межкультурных коммуникаций БГПУ им. Акмуллы;

A.V. Akhunova – 5th year student of the Institute of Philological Education and Intercultural Communications of BSPU named after Akmulla.